

Валерий Неудахин

Я найду тебя

Гармонист

Дед Иван стоял на пороге бани и перебирал ногами под мелодию, исполняемую на гармонии. Да и как не перебирать некогда лучшему гармонисту на селе, когда за околицей у озера слышна хромка? Это что же за шельмец появился в нашем околотке, такие выводит коленца? Заслушается любой, а тут бывший и бессменный исполнитель. Ревность говорила в хмельной голове, и никак не мог с ней справиться старей. Он сегодня казался сам себе добрым к окружающему миру: к берёзам, бросившим на потную землю первую желтизну; к сельчанам, что копали в выходной картошку в поле; к старухам, устроившим разговорный балаган у магазина по поводу привоза свежего товара. Секрет такого благодушия объяснялся просто: удалось-таки незаметно просочиться в дальний угол огорода, где хрен листвой переваливался через плетень. А там, в потайном месте, рядом с третьим столбиком от угла, закопана в земле бутылочка красненькой. Из неё он и хлебнул от всей русской души, потому и деловито снуёт возле бани, поленницы дров, возле кадки с водой, дабы бабка не спохватилась.

Но та увязалась за кумой, и, наверное, не первую сплетню у порога селюпо обсуждают. Вот и вышло ему раздолье да просветление от сумрачной временами погоды. Второй раз отхлебнул из бутылки спокойно, размеренно. Так сказать, с полным осознанием того, какое удовольствие ему выпало. Остатки запечатал пробкой и в глубину хрена опять-таки закопал. Сорвал и пососал запоздалый помидор, тронутый ранними заморозками, крикнул от удовольствия, распиравшего изнутри, и принялся топить баню.

Но главное-то, конечно, не это событие. Гармонь! Кто так уверенно выводит ноты? Отродясь такого не слышивал. Ивана никто не в состоянии переиграть. На спор с парнями в молодости исполнял целый день без остановки, вся деревня приходила посмотреть, кто в споре прав окажется. Такие коленца выкидывал—голова кружилась от удовольствия. Победил! Девчонкам голову вскружил. Утуфель каблук отлетали, как перепляс барышни вели. Тонкий слух его поймал небольшой сбой, Иван поморщился, словно свою оплошность допустил. И тут гармонист вдарил

камаринскую, так ловко мелодия повелась, заливаясь и удивляясь звукам, издаваемым ею самой. Переборы ускорились и ускорились. Мелькнуло: ведь собьётся сейчас. Запереживал за незнакомого исполнителя дед, да даром. На самой верхней ноте запела и зазвенела, уводя с поляны к реке. Как он в прежние времена уводил за собой. Стихла, а спустя секунды полилась печалью: «Извела меня кручина...»

УИвана невольно заломило пальцы в суставах, поднёс к глазам руки и внимательно поглядел. Громадные утолщения в соединениях фаланг, болящего вида подушечки, бугристая тыльная сторона, изрезанная реками и ручейками вен. От морщин и свободного места не найдётся. К тому же трясёт их лихоманка: что ни возьмёшься делать—с трудом управляешься. Смех сказать: за стол сядешь и ложкой в рот попасть не можешь. Только морковь сеять. Какой тут—гармонь в руки взять, стоит, родимая, с десяток, а то и более лет на почётном месте. На комод, накрытая вязаной салфеткой.

Сколько себя помнил, столько с гармошкой и представлял. Дед передал наследство, как старшему внуку. Он и игре обучил, хитростям разным. Гармонь одна на всю деревню—пуще глаза берегли. Времена сложные выпали на молодость: борьба с международным капитализмом, с разными внутренними врагами. Простой народ понять, почто сегодня врагом стал тот, кому ещё вчера в ладоши хлопали,—не мог. Но в силу обстановки, сложившейся по всей стране, понимали: хлеб отдать нужно, чтобы станки покупать, вырваться вперёд и победить супостата. Да и кто особо сопротивлялся? Всякое упорство с властью обходилось болезненно.

Припрятут, бывало, хлебушек в ямы, в потаённых местах вырытые, надеются не помереть от голода. Придут уполномоченные государством люди и приглядываются. Как хлеб изъять? Явно попрятали. А чего присматриваться, коли все друг дружку знают и даже место схрона указать могут? Отец собрал детвору на пыльном дворе, Ивана играть заставил, а остальных детей плясать. Кто без рубахи, другие и вовсе без штанов. Сопливые и грязные—что с таких взять? Да хитры люди, что государством назначены хлеб изымать. Это понять надобно, им тоже жить хочется, не он—так его.

За правило взяли: коли дети живы, не перемёрли с голода, значит, есть в доме хлеб: а тут такая орава. Отцу невдомёк, а они пытаются у младшенького. Мамку с тятенькой поставили и у них на виду мальцу ручонки выкручивают. Не выдержал отец: что так, что эдак изведут до смертушки. Повёл к яме в рощице берёзовой.

В тот год выжили благодаря тому, что мать схитрила и вторую ямку от отца тайком устроила. Небольшую, да запаса гороха, проса хватило, чтобы выдюжить. Хорошо, не отправили по этапу в болота Нарымские, других не миновало. Уехали люди и пропали. Спустя время вернулись некоторые, угрюмые и молчаливые.

Благодаря гармонии их семья не попала на баржу в долгий путь к Северу. Молодой председатель свадьбу праздновал, играть позвали Ивана. Ему не хотелось такого присутствия, невдомёк, чего это отец настаивает, чтобы отыграл. Только спустя годы окончательно понял, что семью глава спасал от северного свежего воздуха. После праздника записал председатель семью как активистов колхозной жизни, и случай со спасительной ямой забыт оказался.

Подсел во хмелю к молоденькому гармонисту и выдал сокровенное:

— Я ведь, Ванятка, собирался списать с баланса вашу семейку. Документы готовил на отправку на поселение. Хорошо играешь, молодец. Считай, спас семью-то. Ну а теперь живите, разрешаю!

И налил бражки стакан, заставил выпить. То первая порция питья хмельного для мальчишки оказалась. Выпил, чтобы страх погасить, во второй день меха растягивал, хотя болела голова. С той поры ой сколько выпито! Нет, не злоупотреблял, он и сейчас не грешит. А тайком от Клавды, жены своей,—так оттого, что беспокоится она за сердце больного его:

— Мне, Иван, без тебя жизни нет на этом свете. Как я одна? Ты побереги себя, вместе уйдём, как срок подойдёт.

Он ведь фронтовик. Почитай всю войну протопал в пехоте от Москвы и до Берлина. Как напал немец, в военкомат пришёл, да военком завернул: — Куда ты собрался? Что, думаешь, на парад? Крови и на твоём веку доведётся насмотреться. Не приписывай годы, на следующую осень приходи.

Не утерпел Иван, собрался и тайком, напрямки через поля и сенокосы, до станции ушёл. Там и забрался скрытно в вагон с лошадьми. Они и прикрывали его несколько дней, в сене прятался, пока не обнаружил дотошный младший лейтенант. Вывели его на станции, поставили перед большим чином, полковником, ответ велели держать, куда путь держит и как в поезде оказался. Рассказал всё как на духу, да обидно — расплакался от бессилия что-либо доказать. Военный начальник снять приказал с эшелона.

Стоит состав, дожидается сигнала на движение, в штабном вагоне на гармошке солдатик пиликает, играть учится. Попросил: дозволю с горя напоследок сыграть вам? Взял инструмент, привычно пальцы по клавишам пробежались. «Семёновну» выдал, словно ахнул, да так, что в пляс солдатики пустились. Перебор на переборе — такие наигрыши вспомнил! Подошёл политрук:

— А можешь про войну?

Заиграл: «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой...» Иван научился подбирать музыку. Чего не исполнить? Лица людей преобразились, сгрудились возле гармониста. Хором запели. Полковник на просьбы политрука махнул рукой:

— Под твою ответственность!

И поехал Иван на фронт, Родину защищать. В морозы и в жару, в дожди и в метели топал, выполняя свою солдатскую работу. Не стеснялся пулям кланяться, но и не прятался за последний бугорок. Награды имел, на особом счету у командования числился. Оказался в разведке. Уйдут иной раз в тыл, обратной дороги не видно. Ходят по вражьи позиции, дома потеряют давно, только по рации сведения получают.

А как выберутся к своим, гармошка зазвучит в землянке — и печаль, и удаль выскажет окружающим берёзам да осинам, привет песенный посылает домой вместе с треугольником полевой почты. Сам Иван петь не умел. Вернее, умел, но голос отсутствовал. Заиграет — и инструмент будто бы словами разговаривает. А бойцы пели! Вспоминая перелески, поля и огороды родных деревень: у кого попавшие под оккупацию, у кого — в далёком тылу. Пели с печалью о любви, оставшейся дома на тяжёлой работе. Оно понятно — и на фронте тяжело, да бабёнок жалко: надорвутся, а им ещё рожать, чтобы детьми численность населения страны поднимать.

Дошёл до столицы вражеской ни разу не ранен. Видно, хорошо за него матушка по ночам молилась, поклоны на праздничный угол отбивала, иконы-то в доме сильно не разместишь. Тогда деревни в рощах и в лесах молились. Оплакивали павших, здоровья желали стоявшим в строю, терпели! Терпели! Будь Иванова воля — над каждой избой поставил бы купол и ангелов попросил летать.

Отыграл на ступенях Рейхстага, отплясали на радости товарищи по оружию, да просто война не прошла мимо. Собирались домой, а пришлось на Дальний Восток мимо дома проехать, самураев бить. На востоке-то пуля и достала Ивана. Несерьёзно, но пришлось отлежать в госпитале, чтобы домой отремонтированным вернуться. А когда отступило дневное светило, порвала сумерки мелодия. Всё село ощутило: гармонист вернулся. Зиму на вечерках играл: днём трудился, а к вечеру зазывали поиграть. Соскучился народ по нормальной

жизни да по песне русской, что душу перевернёт
своими напевами.

Там и приметил Клавдию. Худенькая, после войны сильно справных не найдёшь, а эта подавно светится. Плясать любила, всякого в переплясе угомонит. С Иваном завязались отношения, ни на шаг не отходит, прислонится головой к плечу—у гармониста сердце замирает. Изредка не выдержит, посмотрит жалостливо в глаза, испросит разрешения: припустит в пляс—не остановишь. Мужиков в деревне мало осталось, только деды на завалинках сидят. За фронтовиками увивались, на женитьбу рассчитывая. Но на всех не наберёшь, на поле боя остались. Бабёнки встречались, которым и минуточки счастья в достатке, большего не просили. Но Иван любил свою ненаглядную, не смел её обидеть не только отношениями на стороне, даже взгляда косога на холостячку не позволял себе.

А что? Дружно прожили, дети в городе, дед с бабкой на лето внуков принимают. Только не смог Иван передать искусство игры на гармонии по наследству. А сейчас поздно, сам боится в руки взять, стоит теперь на комоде, не тронута, не обласкана пальцами музыканта, хромка любимая, раньше такие северянками называли...

А в наступивших сумерках звала гармонь, полились страдания, зазывая за собой в берёзовую рощу. Деда разобрало любопытство: кто посмел переиграть старого гармониста? Он нашёл лаз в плетне, обжигаясь крапивой, пробрался и тихо подошёл со стороны. Не выходя на свет, замер. Молодые девичьи голоса чисто выводили песню, поддерживая музыканта. Кто же таков? И увидел на лавочке мальчишку лет пятнадцати, растягивающего меха и перебирающего клавиши-пугови. Вот шельмец! Чего творит-то! Да как ловко у него получается, душа задохнулась от восторга! А новые коленца всё вырывались из инструмента. У деда покатились слеза, и он, боясь себя выдать, попятился назад к спасительному лазу.

— Ванюша, пойдём на речку,—послышался задорный голосок.

— Иван, Иван! Да ты где запропал?—звала жена...

Надо свою хромку отдать мальцу. У неё голос золотой, сейчас таких нет. Чего ей молчать в доме? Гармонь играть должна, чтобы вокруг неё жизнь радовалась!

Табун

Зимняя проза природы разукрасила алтайские просторы. Холодный воздух предгорий упал на местность изморозью. Голубоватая от лёгкого мороза дымка слилась с чернотой восточного горизонта и высыпалась богатым инеем на перелески, на урему, на кусты и высокие стебли сухой травы. В светлом от белого снега пространстве серебром осыпалась из тёмного неба остывшая влага

и ложилась в немыслимых морозных узорах на любую горизонтальную поверхность. Симметричные изломы снежных завитушек ловили невесть из чего лёгкий, невесомый свет и выкрутасами и загогулинами подчёркивали пространство вокруг веток и стеблей.

Чуть ниже, возле воды, так и не сумевшей замёрзнуть в перекатах небольшой реки из-за тёплого не по погоде января, поднимался туман. Клубы белоснежной ваты не устремлялись высоко, а, сталкиваясь с холодным воздухом, нависали вдоль русла, показывая на местности повороты шумевшей течением струи. Кусты и деревья вдоль уреза воды, получив дополнительную влагу, собирали на себя иней и заплетали узенькие длинные косички из мелкого крошева белизны. Каждая палочка покрылась золотистыми нитями руна и покачивалась от тёплого воздуха, исходящего от влаги.

Косогор под снегом, но в таком тёплом воздухе засыпан не пушистым покрывалом, а слоем мелких замёрзших капель, цеплявшихся за свою жизнь и за стебли травы. Живность, срывая такую для еды, дополнительно получала необходимую порцию воды.

Вскоре из глубины неба замерцали звёзды, довершив картину природного благоденствия, вывесилась узенькая полоска месяца, говорящая о приближающемся новолунии. Словно опрокинутая пиала выливала Млечный Путь, протянув его за черту горизонта. Этой туманной небесной дороги как раз не хватало для полного торжества линий и изгибов, узоров и орнаментов леса и поля.

На склоне пасся табун. Лошади привычно и без боязни ходили по косогору, разыскивая под снегом траву. В кучу не сбивались, чтобы не мешать друг другу. Молодые жеребцы развели в стороны небольшие косяки и внимательно наблюдали за кобылицами и жеребятами, ограживая своих от чужого поголовья и не допуская смешивания. Этот установленный веками порядок соблюдался беспрекословно, ссор и драк из-за кормов не вспыхивало. Лишь в весенний период друг перед другом распляшутся, красуясь перед кобылицами, табанят ногами, заполняют ржанием окрестности. Знай—пришла пора о поголовье задуматься. Вот в такое время лучше не подходить к косяку ни животному, ни человеку. Ненароком затоптать могут.

Тихо. Серый в яблоках, с длинной шерстью, жеребец, поднявшись выше своего табунка, внимательно наблюдал за окрестностью, чтобы своевременно увидеть чужака. Голова мерно опускалась вниз за очередной порцией травы, но по напряжённым мышцам и по отведённым назад и в сторону ушам видно, что бдительности не теряет и находится в готовности. От дыхания морда покрылась инеем, осевшим на каждом волоске. Длинные ресницы загнулись от тяжести снежинок,

из-под них — внимательные и широко раскрытые глаза. Куржамом покрылось тело, оттого и шерсть длинная у алтайских лошадей, помогает морозы переносить. Под снежной коркой тепло держится, не отдаётся пространству, прослойкой не позволяет холоду проникать к телу.

Рядом кобылицы и жеребята: отъёмыши, годовики и двухлетки. Его потомство, которое продолжит род и понесёт гены в другие табуны. А сейчас молчаливо, едва слышно пережёвывают траву, мохнатыми снежными фигурами нагуливают вес. Не первый год таков порядок. Взбрыкнёт от восторга и переполнивших чувств какой-то однокоток — мать быстро успокоит: позовёт тихим ржанием. Не куролесь, будет время. А сейчас не теряй тепла да насыщайся для роста. Вот прыгнул пружиной распрямившийся двухлеток, задел крупом молодую берёзку. Осыпалась белым водопадом, напугала неопытного, завалила снежным сугробом. Запрыгал, чтобы освободиться от кучи, попал в занос, рассмешился кобылиц. Заржала одна, другая. И вновь тишина!

Прикрывает табун невеликий размерами лес, ветру не разгуляться, да и нет его особо, далеко слышно. Вот зажужжали со стороны вершины, словно шмели, снегоходы. Лошади знают этот звук. С ним появляется рядом хозяин, заботливо осматривая табун. Насыплет соли, кому-то перепадёт краюха хлеба. Жеребец любит, когда его похлопают легонько по шее, потерев ласково за уши, прижмут голову к пахнущему домашним теплом полушубку. «Ты уж смотри! За порядком-то», — попросит хозяин. Откинёт хвост коняка, заплашет на месте. Голову высоко поднимает и карими глазами смотрит на кормильца. Ушами прядает, слушает доброе слово...

Они собирались сумрачно и зло. Готовили оружие и боеприпасы, глушители на карабины. Оптика для такой «охоты» не нужна, снимали и откладывали в сторону. Патроны с пулями, полный патронташ, распиханы по карманам по возможности. Должно хватить для такого. Два снегохода прогреты и стоят у дверей зимника.

У кого возникла эта идея — поквитаться, не помнил никто из четвёрки. С чего началось? Удачлив в разведении лошадей оказался конкурент. Каждая кобылка по весне с приплодом, падежа нет, быстро продаёт лошадей, рука лёгкая. В туристический бизнес требовались животные, конных маршрутов по горам много, пользуются спросом у отдыхающих. Из соседнего Казахстана приезжают покупатели, для них лошадей и подавно первый друг, кормилец. Брали хорошо.

Зависть проскочила у Чики, кличку он получил в детстве в азартных играх. Увидел однажды пачку денег в руках конкурента, рассчитались с покупателями из сопредельной страны. Не нужно это делать на виду у посторонних, да так вышло.

Ненавистью полыхнуло, а отчего — сам не понимал. Постреляю лошадей, один коннозаводчик останусь. Убийство, не убийство — об этом не думалось. Станный этот мир, где двое смотрят на одно и то же, а видят противоположное. Запало в душу: почему сосед удачлив, а у меня не идёт так дело? Помощники за умеренную плату быстро нашлись. Бродило в голове: стоит ли так безжалостно учить? Но после того как задаток уплатил, обратной дороги не виделось. Долго выбирали ночь, сегодня решились. Распили бутылку водки, без закуски, из горлышка. Торопились.

Снегоходы на малых оборотах, такое дело не любит шума, поднялись от зимовья в гору, покрутились по склонам и перелескам, запутывая следы. Несколько раз останавливались, глотая холодную водку, стараясь задурманить мозг, который сверлило одной мыслью: зачем идём? Наконец повернули и направились к месту...

Разбитые на отдельные косяки кобылицы мирно паслись, не пугаясь присутствия человека. Люди зашли со стороны горы, отрезая пути отхода и прижимая табун к деревьям на опушке леса. Лишь почувствовал необычайность серый в яблоках, закружил табунчик, потом гордо поднял голову и пошёл на приближающегося человека, вступая в открытое противостояние. Громко затопал передней ногой, выражая протест и неудовольствие. Да сбили с толку ласковый голос и рука с коркой хлеба, протянутая в его сторону. Успокоился, поводит ушами, потянул пушистую от инея морду в сторону подходящего. Человек дал взять хлеб!

Хлопнуло и ударило больно в бок, под лопатку. Выпал хлеб, взятый одними губами, жеребец, почувствовав слабость, осел на передние ноги, не в силах поднять голову от земли. Большие глаза безучастно увидели приближающийся снег, заломило шею, и уже угасающий взгляд увидел, как упала в нескольких шагах от него рыжая молоденькая кобылица. Он отчётливо понял всё, хотел заржать, предупреждая об опасности, но лишь захрипел. С последней мыслью, пролетевшей в воспалённом мозгу: «За что? Ведь она жеребая! Обоих убиваешь!»

Лошади с жеребятами не поняли происходящего и тянулись губами к человеку. Когда упал их предводитель, затем молодая кобылка, проявили тревогу. С широко распахнутыми глазами, дёргая ушами и шумно выталкивая воздух через ноздри, закружили на месте, прикрывая детей. Затем после хлопка оседали на снег и заваливались на бок, после падения успевая несколько раз перебраться ногами в предсмертной судороге. «убегая и уводя за собой жеребят». Далеко! В небеса! А отъёмыши пятились несмыслёно в лесок, увязая в сугробе. Перебирали тоненькими ножками, затем подламывались в коленках и утыкались в сугроб головой и грудью. Двухлеток попытался прыгнуть в сторону, да метко стрелял негодяй — влёт бил, достал

в прыжке. Так и замер, угодив головой в небольшое разветвление веток. Повис, взбугрив под собой снег, да невольно струёй мочи окропил белое.

Подумалось Чике: «Хватит, пора остановиться!»—да не сговорились заранее, и напарники продолжали стрелять, хлопками обозначая место. Внизу склона вдвоём положили несколько кобыл, те упали, перегородив пути отхода. Повести молодь некому, и та табунилась, не найдя прохода среди стволов берёз, на одном месте. А люди в белых маскхалатах увлечённо били с руки, посылая пули одну за другой в податливое тёплое тело. И вот уже парит от горячей крови, дурманит без того пьяные головы.

Поднявшись на задние ноги, покрывшись по́том от стресса и гнева, пошёл взрослый жеребец на обидчика, перебирая передними копытами. Успел ударить в плечо и выбил карабин из рук. Хоть какая-то надежда, да второй ударил пулей в бок одной и второй; упал, придавливая телом человека. Хоть таким способом оградить несмыслённейшей. Третий выстрел остановил движение.

— Вот зараза. Кровью испачкал маскхалат,—и, выбравшись из-под туши, со злости пнул в бок уже неподвижного, мёртвого защитника табуна.

И только тут тоненько заржала недобитая кобыла, задёргала ногами и завертела головой, отчаянно скосив глаз на лесок. В её зрачке отразились звёзды и Млечный Путь, ведущий в вечность. Белое поле с чёрными буграми, разрыхлённый снег и четыре белых человеческих фигуры. Пар над неостывшими телами, поднимавшийся в темень, и души лошадей в белом мареве, с широко открытыми от ужаса глазами, устремившиеся вверх.

Оглядев поле с расстрелянными лошадьми, содрогнулись вдруг убийцы и бегом кинулись к снегоходам. Отъехал пару километров, остановились, открыли бутылку водки и принялись глотать, словно пытаясь утолить жажду. Чика трясущимися руками всё не мог попасть горлышком в глотку, жидкость текла по подбородку, по шее, по рукам. А его трясло до стука зубов.

Остыли тела, остыла кровь! Перестало парить, обозначая место гибели лошадей и жеребят. Пятьдесят три тела покрывались инеем от утренней прохлады. Посыпал мелкий снежок, присыпая белым чистым цветом место убийства, замечая человеческие следы и следы снегоходов. Первый луч заискрил в ветвях берёз. Возвращался с утром на землю красота природы. Жаль, не увидят её жеребцы и кобылки, дети одного да двух лет, да тем более те, кто не успел родиться и погиб с матерью в её чреве.

Послышался звук приближающегося снегохода...

Я найду тебя

Они прощались у входа в аил, человек и волк. Всё селение засвидетельствовало это расставание,

невольно вытирало украдкой слёзы. Старый Эсена—живой, здравствующий уважаемый кайчи, расказавший за долгую жизнь массу интересных историй и легенд жителям посёлка, гостям и строителям дороги, и Бору—волк, его верный соратник по охоте, а в последнее время—поводырь для почти ослепшего старика. Отца забирал в город на жительство младший сын, давно основавшийся в большом селе, стоявшем у истока дорожной ленты под названием Чуйский тракт. Забрать бы Бору с собой, да не найдётся волку место в городской квартире. Потому и приняли столь тяжёлое для всех решение—разлучить. Пусть животное останется в привычных условиях, а слабовидящему старику уже не справиться с обязанностями по дому. Охота и подавно заказана.

Старик встал на колени и протянул перед собой руки. Не звал Бору. Ждал, и трясущиеся от переживаний кисти молотили воздух, пальцами отыскивая жизненную опору последних лет. Волк медленно подошёл, потянул носом, привыкая к запаху нового халата, опустился на брюхо и пополз в направлении деда, виновато опуская морду к земле.

Руки человека прикоснулись к голове животного, и кайчи тихо и невесомо запел, грустно и жалобно. Так поют, прощаясь с друзьями навек, при отсутствии любой надежды на встречу в будущем. Пальцы погрузились в густую шерсть, старик перебирал ими, любовно поглаживал уши и нос, трепал за шею. Слёзы катились из давно не видящих глаз, тряслись губы неведомо отчего: то ли от злых обстоятельств, требующих разлуки, то ли от жалости к животному, которое явно не сможет жить с другими людьми.

Бору подполз к старику вплотную, потёрся головой о плечо и осторожно лизнул шершавым языком лицо. Затем принялся вылизывать слёзы товарища, жалобно подвывая так, что мурашки у окружающих по спине просквозили. А солёная вода всё бежала по лицу, и не хватало движений языка, чтобы прекратить боль расставания. Плакали оба! Наверное, не придётся увидеться в этом бренном мире. У изгороди в голос запричитали старухи и бабы, не в силах видеть этой сцены. — Нет, не могу больше, сердце порвётся,—сын надел ошейник на волка, никогда не знавшего такое ограничение свободы, и протянул ремень стоявшему рядом родственнику.

Волка отвели к столбу, врытому посреди двора, и закрепили цепь в кольцо. Эсена усадили в машину, и пока прощались с жителями селения сын и внук, он всё поднимал голову и тянул шею, чтобы услышать и почувствовать рядом верного друга. Наконец прощание завершилось, хлопнула дверца автомобиля, надёжно отгородив Эсена от Бору, и машина выбралась на тракт. В этот момент рванул цепь волк, и округу разорвал вой

животного, полный отчаяния и боли. Наблюдавшие сцену прощания поспешили домой. Шли, втянув голову в плечи от понимания безысходности ситуации. Казалось, обеспечена бессонная ночь. Не даст покоя волчара. Только ошибались: Бору лёг в пыль, положил голову на лапы, взгляд его потух, и он замолчал, словно умер для окружающих его людей...

Мальчишкой Эсен повадился ходить на охоту с мужчинами. Ружьё уже доверяли, но больше приглашали для рассказа историй. Таким образом охотники общаются с дѹхами, ублажая песней и выпрашивая разрешения на добычу зверя. Малец, при наличии хорошей памяти, занимал почётное место у костра, получал долю от добычи и кормил мать. Как хозяин дома. Отца в молодости задрал медведь-шатун, встретились на перевале и не смогли поделить дороги. Легенд, песен и историй набиралось всё больше, желающих послушать прибывало, и Эсен пел уже и для приезжих, для водителей Чуйского тракта в Доме шофѹра. Его любили за безотказность, петь мог бесконечно, не повторяясь. Многим помогла его песня, вылечивала души, кромсала болью за судьбу Горного Алтая. Бежали годы, появилась семья, вместе с ней дети. А он продолжал петь, вспоминая, что истории его слушали и на войне на привалах. Он прошѹл фронты и получил ранение в голову, которое заставило забыть об охоте, зрении, но не о песне. Два сына имели семьи. Любимая Айгуль, вечная жена и спутница, давно оставила его в этом мире и перекочевала к Ульгеню на небеса. Эсен бродил по привычным для него горкам возле селения, изредка удаляясь по знакомым с детства тропам. Свободно ориентировался и безошибочно угадывал направления. Ловил лучи солнца, чувствовал дуновение ветра, слышал крик орла в небе и писк пищуки в камнях. Что ещё нужно счастливому человеку?!

В одном из таких путешествий забрался высоко к снежному перевалу. От ощущения восторга перед природой, наполнившего душу наслаждения присел на камень и запел о том, как могуч и обилён Алтай. Какое дарит благо каждому, кто с ним соприкоснулся. Не услышал, а почувствовал кожей тоненький писк из-за камня. Обошѹл останец и различил волчью нору. На пороге лежало три бездыханных тельца волчат, погибших от голода. Мать, видимо, попала под отстрел и не вернулась домой. Упираясь головой в грунт, пытался шевелиться ещё один кутѹнок. Жив! И Эсен принялась кормить маленького хищника молоком, захваченным в дорогу. Насытившегося щенка сунул за пазуху и пошѹл домой.

С той поры не разлучались. Волк вырос, а когда дед совсем плохо видел свет, превратился в поводыря. Деньги не нужны, пропитание для жизни сам добывал. Туристы приезжали послушать искусство пения. Занятие в удовольствие. Гиды

исправно платили, ведь современный туризм на коммерческой основе строится. Деньги перечислялись на карточку, которая непонятна и хранилась у сына. Пришѹл момент, от которого не уйдѹшь и не скроешь, — совсем дедушка зрение потерял. Повезли его к врачам и в подходящие условия жизни. Заботу нужно понимать и принимать. Но как сыну объяснить, что наилучшее место для Эсена — горы?

Бору терпеливо ждал, отрешившись от мира. С отъездом старика он потерял всё, душа не хотела с этим мириться. В голове давно созрел план побега. Он будет бежать по дороге, не важно сколько, но догонит старого Эсена. Прижмѹтся к нему головой, даст запустить руки в шерсть и примется любовно урчать, слушая добрый, дребезжащий от старости голос. С наступлением темноты поднялся и подошѹл к ненавистному столбу. Поглядел на него и, распаяя себя желанием свободы, впился зубами в древесину. Выхватывая и выплѹывая щепки, вновь и вновь вгрызался в треклятое тело бревна. Лиственница подавалась медленно, уж слишком плотные волокна. Но он рвал куски всю ночь и под утро почуял едва уловимый смолянистый запах — значит, близко сердцевина. Волк подошѹл к столбу и рванулся в сторону, натянув до звона цепь, несколько раз повторял попытку, пока не покачнулася преграда и не завалился столб на землю.

Бору побежал в сторону дороги, туда, где хозяина посадили в машину и отгородили дверью. Сзади гремела цепь, путаясь в стеблях растений, мешала движению. Когда выбрался на асфальт, полегчало; привязь гремела за ним, выдавая нахождение животного.

Первые три дня он спешил, рассчитывая догнать автомобиль, но вскоре понял, что розыск деда — дело непростое. Его непрестанно обгоняли автомобили, которые летели на огромной скорости по пышущему жаром полотну. Дела до животного никому не было. По дороге попадались строения, от которых вкусно пахло пищей. Но он не позволял себе расслабиться! В местах стоянок Бору метался в поисках запаха Эсена. Сначала бессистемно, так как не понимал, где можно обнаружить след. Спустя время определился и пробежал несколько раз вдоль обочины с одной, затем с другой стороны. Ничего не обнаружив, бежал дальше.

Он не позволял себе охотиться, боясь, что утеряет след и не найдѹт хозяина. На исходе третьих суток пересилил себя и насытился в ящиках с отходами, чуть не попавшись на воровстве, когда, испугавшись крика человека, рванулся в сторону и зацепился крюком цепи за контейнер. Испуганно дѹрнулся раз, другой и замер. Ему повезло, попался неопытный турист, не понимающий отличия собаки и волка. Обманулся и с опаской отстегнул ошейник. Бору почувствовал полную свободу.

Со временем волк понял, что розыск старика — дело сложнейшее. Дорога убежала вдаль; казалось, конца ей не будет. Скоро он научился выпрашивать пищу: садился смиренно в стороне от туристов и тихо поскуливал. Некоторые прогоняли — огрызнувшись, убегал; другие бросали кусок хлеба, а то и мяса. Время шло, бежала лента асфальта. Бежал вдоль неё и Бору.

В один из вечеров прошёл ливень. Такой паники волк не испытывал давно. Он, конечно, укрылся под деревом, забившись в нижние ветви лиственницы. Да вдруг мысль пронзила мозг и сковала тело. А след?! Как найти след после такого дождя? И, не дожидаясь окончания ливня, побежал дальше. На ближайшей стоянке принялся рыскать, проверяя догадку. Запахи присутствовали, это главное в его положении. Он не понимал одного — что следы свежие, от последнего посещения места туристами. Но воодушевился и двигался дальше. Нюх притуплялся, мешали запахи бензина и выхлопов машин. Только любимого, родного не попадалось на остановках.

Бору изменил тактику. Дорога никуда не денется! На время уходил в сторону, чтобы поохотиться, набить желудок мясом, это давало новые силы. После чего бежал вдоль полотна. Волки не уходят на такие большие расстояния, не покидают логова. Но где теперь его логово? Кто подскажет? Нужно искать!! Он двигался среди леса и камней, вдоль большой реки, играющей огромными валунами. Эта картина прибавляла сил и давала надежду. Если река большая, то и большое селение должно располагаться рядом. Крупные сёла на дороге проходил ночью, чтобы местное население не заприметило хищника и не устроило охоты на него. Только выли собаки от присутствия волка. Позволить себе обойти стороной не мог: порвалась ленточка полотна, а вдруг с ней и след потеряется?

В одном посёлке заприметил большой забор и огромных псов. Попытка с первого раза преодолеть участок пути не удалась, запах его учуяли четвероногие охранники. Вернулся обратно и вывалился в грязи, чтобы чем-то усыпить бдительность собак, бежал дальше.

Расслабиться он не мог, тем более что следов туристов встречалось всё больше. От обилия запахов и голода кружилась голова. Опасностей природных он не боялся, в нём жил волк, и способность преодоления трудных ситуаций в любых условиях жила с ним всегда.

Вскоре встретился перевал, дорога уходила серпантинном вверх, извилисто скрашивая обыденность прямолинейного пути. Здесь люди не останавливались, и Бору, задыхаясь от нехватки кислорода, вывалив язык набок, упирался из последних сил, пока не увидел небо в развале горного камня. Огромная площадка возникла перед ним. Столько людей не видел ни в селениях,

ни на стоянках, попадавшихся прежде. Выждав ночь, когда съехали из лавочек торговцы, он обследовал эту территорию и от ответвления от неё старой дороги. Убедившись, что следа хозяина нет, он по ночной прохладе спустился в широкую долину.

Человек! Зачем ты построил такое количество дорог? Зачем тебе так много посёлков? Неужели не хватает места на земле, чтобы дышать свежим воздухом, пить воду из хрустальных рек, питаться дичью, в обилии проживающей на склонах? Куда ты устремляешь свои шаги в этом мире? Ужели страсть к изобилию выше свободы и внутренней независимости? Зачем рубишь дерево и строишь безальби дом, изводишь лес, чтобы согреть пространство больших комнат? Так много суеты и ненужного движения — ради чего? Бору лежал, положив морду на лапы, наблюдая, как в ночи резали тьму острые кинжалы фар автомобилей. Он насытился пойманным зайцем, напился воды из родника, в желудке уютно урчало, он предавался мыслям, что тревожили и беспокоили: сколько пройдено, а следа нет.

Под утро задремал в прохладе и освежающей росе. Снилось, что Эсен блуждает в незнакомой местности, некому помочь. По морде скатилась слеза, которую Бору смахнул лапой. Как без него хозяин в горы ходит? Пропадёт! Волк вскочил на лапы и спустился на дорогу.

После очередного посёлка, когда бежал на взгорок, вдруг пахло едва различимо. Знакомым, родным. Слева бежала река, за ней большая поляна со строениями. Там его хозяин! И волк бросился в воду. Сносило быстрым течением речушки, тело било о пороги. Но видна цель, которой он достиг. На поляне стоял жертвенник, с веток лиственниц и берёз развевались ленты дьалама. Пробежки вдоль и поперёк поляны показали на то, что старик в этом месте появлялся, но давно. След старый. Убедившись, что опоздал и хозяина нет, Бору вернулся на тракт.

От дороги в сторону заходящего солнца шла другая большая трасса. Прямо или налево? Задумался, не в силах принять правильного решения. Затем облегчённо вздохнул: прямо! Если не найдёт в конце этой дороги, вернётся на перекрёсток. Затем встретился другой перевал, длинный и крутой. Волк потратил на него много сил, слишком большое количество запахов тревожили ноздри. Боязнь, как бы не пропустить родного, заставила задержаться и обследовать подробно местность и площадки.

Бору бежал дальше днём и ночью. Трудность возникла из-за того, что посёлки на пути встречались всё чаще и больших размеров. Каждый кусочек местности необходимо обследовать, ничего не пропустить. А после большой реки, которую видел с моста, селения шли сплошной чередой. Вдоль дороги много запахов, которые им внимательно

изучались. Порой казалось, что ноздри уже и не чувствуют, не различают ароматов. Сколько Бору бежал, сосчитать сложно, много километров осталось за хвостом. Сколько их ещё впереди? Вот и горы устали и оказались далеко позади. Трасса гудит асфальтом, к этой музыке он уже привык. Только не проглядеть! Справа и слева от дороги перелески менялись открытыми местами. Не в силах понять, когда лучше бежать, днём или в темноте, старался избегать встреч с большими массами народа. На одной стоянке маленькая собака на руках хозяйки учуяла хищника и взвыла дурным голосом, напугав людей. Те замахали руками, зашикали, отгоняя животное.

Нужно бежать и нюхать каждый куст, каждый метр, отбрасывая в сторону ненужные запахи.

Где ты, Эсен? Любимый старик, спаситель жизни Бору. Ты так бессилен без друга. Я иду к тебе. Только где конец этой дороги, где последний шаг для усталых лап? Снова пыль километров, охота и выпрашивание пищи на стоянках машин. Скоро ушла в сторону и большая река. Только дорога лентой бежала вперёд. Встретился непривычный лес, с соснами, подпирающими своими стволами небо. Лиственные деревья роняли первый жёлтый лист. Много времени в дороге!

Бору почуял большое селение. Здесь предстоит много работы: обилие ароматов и большие расстояния. Но ему не привыкать.

Утро. Волк сделал несколько шагов в направлении первого дома. Встал и затряс мордой. Вот он! Запах хозяина! Даже голова закружилась от чёткого осознания следа...

Старик не мог привыкнуть к новым условиям жизни. Даже незрячий он чувствовал отсутствие гор, и это сводило его с ума. Нет, он не требовал для себя ничего, но на глазах угасал. Изредка просил внука вывезти на Чуйский тракт, послушать, как дорога поёт. И пусть она пела не так, как в родном селении, но звала по-прежнему. Вот и сегодня договорились: с утра, до того как на работу убыть, отвезёт. Хлопнула дверь, внук помог выбраться деду, а тот вдруг замер, словно впервые услышал звуки автомобилей. И, сделав самостоятельно, без помощи, несколько шагов, опустился вдруг на колени. К нему навстречу, вжавшись брюхом в твердь обочины, ползла серая собака. В пыли, грязная и ободранная. Поскуливая, коснулась руки старика.

— Бору, — прошептал слепой Эсен.

Плакал старый кайчи, не в силах завести песню, катились слёзы у волка. Замер от неожиданной встречи внук. Какая-то женщина украдкой смахнула слезу, отломив кусок хлеба и протянула животному. А тот, голодный и грязный, но счастливый до состояния блаженства, что отыскал хозяина, всё елозил животом по земле, подметая хвостом без того чистую обочину.

Роман поднимался с трудом. Мало — подъём оказался крут, папка с эскизами, большая и неудобная, переворачиваемая ветром, была то по спине, то по груди. И никакой управы не находилось. Порывами сбрасывало бейсболку с головы, и её приходилось постоянно поправлять. Оказывается, потоки воздуха не останавливаются не на секунду и тревожат всё живое и неживое, находящееся на вершине и близко к ней. Редкая трава под напором ветра клонилась к земле. Внизу обстановка казалась спокойной, или это состояние скрадывает картинку действительности.

Он уже попробовался полевой клубники, которая здесь нетронутая и «непуганая». Никто на высоту не поднимается, и ягода чувствует себя вольготно, спокойно. Но с подъёмом меняется растительность, появился можжевельник с зеленоватыми ещё ягодами, кое-где бок посинел от тепла яркого солнца высокогорья.

Выбрал Роман эту гору не зря, мог бы подняться по другой, лесистой. Где лиственницы забирались вверх к небесам и стояли свечками, как в храме, вершилы службу во славу природы. Настолько утвердились в своей святости, что даже под ветром не гнулись, лишь слегка клонили головы, приглашая в первозданную, нетронутую красоту. С высоты смотрели в долину реки, как часовые порядка. Где-то здесь должен открываться портал перехода из одного времени в другое и в иные расстояния. Попасть в такое место — и соблазн великий, и боязнь необыкновенная. Попадёшь и окно не сможешь найти — как выбираться?

Кто в горах завсегда — знает это удивительное состояние. Погода меняется непредсказуемо, освещение новые краски на окружающие вершины накладывает. Находишься в одном месте, не сходишь с точки, да словно во многих местах побывал. А время? Успел только отдышаться от подъёма — уже несколько часов прошло, как вступил в этот храм. Роман всегда боялся в таких случаях потеряться во времени, спускаться сложно в темноте, ночь в горах приходит рано и вдруг.

Он распрямился, подставил свежей струе лицо. Сегодня жарко — даже на высоте, в которую забрался. Родников поблизости нет, напился из походной фляги, предусмотрительно захваченной с утра. Принялся подыскивать место для работы. Вроде несложное занятие — садись, где ровно, и работай. У него так не получалось, не могла душа приспособляться к любой нише в природе. Всегда искал свою, сокровенную, с которой никогда не повторится тот вид, который один раз стал родным и близким. Обычно осматривал место, выбирал точку и вставал на неё. Если не задевала за живое, не тревожила энергетикой, откровения не находил. Меняй, толку в работе не будет. По часу уходило на поиск.

Ещё во время учёбы на худграфу за ним отметили эту особенность друга. Рисуют уже полчаса, а он всё бродит и ищет. Но уж если нашёл! Работа складывалась как сказка, что ни линия — завершённая. Особенность такого выбора места подсказывало необычное видение объекта. Ракурс: либо выбор точки, с которой смотришь, либо — положение, в котором видишь то, что рисуешь. Бывает, ходят люди и ежедневно видят предмет, но не трогает он за живое. Стоит остановиться в определённой точке — и виденное по чьему-то волшебству предстаёт неизвестным.

Скоро нашёл, расположился и неожиданно для себя замер. Что за мысль потревожила его? Как оказался здесь, в глубине Алтайских гор? На Романа нахлынули воспоминания. Рисовал он всегда, сколько себя помнит. Ещё в школе отмечали работы, выставляли на разные конкурсы. По детской наивности и нетерпению страшно переживал неудачи, уходил в себя. Подолгу не брал в руки кисти и карандаши. Но, соскучившись, возвращался к холсту и бумаге, начинал рисовать и писать. словно напиться не мог после жажды, настолько истосковывался и душой, и руками.

Затем поступил в училище, отучился и юным мальчишкой попал в армейский Афганистан. Школу эту жизненную запомнил на всю оставшуюся жизнь. Дембельские альбомы изрисовывал стопками. Нет, не филонил от опасной армейской работы, вместе с друзьями уходил в рейды, сбивал в кровь ноги от ходьбы и руки о камни, цепляясь и удерживая вес тела и груз боеукладки за плечами. И всегда с ним имелись карандаши и планшет. Сколько Роман получал нареканий за невольное нарушение, но скоро на него махнули рукой, и после этого он уже не расставался с любимыми карандашами.

Здесь, в горах, ему пришло откровение простоты. Этой чудовищной красоты в камне и снегу. Даже «зелёнка» так не трогала красками оазиса, как чётко очерченные немислимыми изломами камни, рассвет над заснеженными пиками гор, рваные в клочья облака. Ложилось это великолепие лучше в карандаше, чем в красках. И он рисовал в чёрно-белом цвете камни и скалы, водопады и высокогорные ручьи, перевалы и лица друзей — всё пытаюсь понять суть. Чем они так близки сердцу. Пока, наконец, не понял: здесь, высоко в горах, не только ближе к Богу, но и товарищи, идущие в бой рядом с тобой, — на пике высокого осознания ценности жизни. Соединяется духовное и физическое состояние индивида в совершенное ощущение единства мира в человеке.

Из Афганистана приехал с орденом и медалью, возмужавший и привлекательный для взглядов девушек. Он и женился вскоре, не успев отойти душой от испытаний, выпавших на неустойчивую психику мальчишек Союза. Свершивший

обязательства по исполнению интернационального долга. Главное, что он вынес из этой горной страны, — уверенность в рисунке. В его стиле появилось нечто необыкновенное, какие-то отдельные штрихи, находимые его сердцем, по-новому изображали то, что видели перед собой глаза зрителя. Они, любители изящного, порой и не понимали отличия от других художников, а вот специалисты отмечали эту неувимую особенность. Да и работал Роман по-иному, больше размышлял и только затем укладывал штрих на лист бумаги, расположенный перед ним.

Рассуждать и думать об окружающем можно всё, что душе угодно. Отчёт себе отдавать нужно — небрежно мыслить нельзя, этим урон великий природе и людям принести можно. Мысли и размышляй достойно! — превратилось в кредо, о котором он никому не рассказывал...

Что ж, место найдено! В течение пары часов Роман сделал несколько набросков. Довольно удачных, на его взгляд. Приходит время возвращаться в город, туда, где ждёт его другая жизнь.

Жена смолodu взяла семейные бразды в свои руки, отмечая постоянно, что толку от Романа никакого нет: мало зарабатывает, по дому ничего толком не может сделать, руки не из того места растут. Долго терпел её высказывания и главенство. Однажды, доведённый до отчаяния женой и тещей, когда те принялись выбрасывать его рисунки, схватил большой молоток и на видном месте вбил в стену железнодорожный костыль. Видимо, настолько женщины напуганы оказались, что к отброшенному в сторону молотку два дня не подходили, а костыль до сей поры торчит из стены напоминанием о твёрдом характере хозяина дома. Да и действительно, как не психануть, когда жена в каждом разговоре подталкивала воспользоваться своим боевым прошлым и хоть как-то показать себя в обществе? Не за тем же Ромка воевал и товарищей прикрывал да выносил из боя. Каждую годовщину той бойни на перевале вспоминал, скольких друзей убили душманы. И на этом строить свою жизнь? В конце концов, махнули на него теща и жена. Жили в одном доме, да в разных комнатах.

После случая с костылём уехал в гости к армейскому другу. Тот давно приглашал к себе, всякий раз, как заезжал по надобности в город. Всё сетовал, что товарищ не может время выбрать. А как выбрать, коли дела идут ни шатко ни валко? Рисунки, предлагаемые в картинных галереях региона и страны, не пользовались особым спросом. То есть брали и деньги, хоть небольшие, платили. Только не того хотела душа и требовало естество. Аржан, дружище афганский, помог, отправил несколько работ на международный конкурс. Только молчат организаторы.

Потому и манили камни и скалы. Только здесь и находила себя душа. Хотелось другого: чтобы

люди останавливались перед его рисунками и замирали в блаженстве сердца и торжества разума. Всякий художник ищет такого признания; ему пока не удалось найти линию отсчёта, от которой начинается оценка тебя как состоявшегося художника. Михаил Михайлович, педагог в училище, и по сей день поддерживает с ним отношения, отмечает необычные работы Романа. Слова его приятны, только что же молчат другие искусствоведы? Работы просятся на смотрины, а вот поди ж ты — никак!

У друга Роман оживал, становился одержимым в работе. Горы на Алтае другие, нежели он видел в Афганистане, — может, из-за того, что не бывал далеко от посёлка. Однажды друг взял живописца с собой в ущелье горной реки. Мощный водный поток бешено скакал среди камней, ударялся во встречные камни, взрывался снопом брызг. Затем соединялся в струю и продолжал жить, стремительно убегая в долину. Вот где росли камни! Здесь они жили! Вот где энергия гор будоражила ум и тревожила сердце. За неделю в этой поездке он выполнил столько рисунков, сколько не удавалось в повседневной жизни и за полгода. Голова и рука рождали фантастические pomysлы. Которые сами собой просились в сюжет рисунка. Ромка лез в такие опасные места, отыскивая свои точки, что Аржан только головой качал, опасаясь за жизнь друга. Товарищи, что были с ними в походе, от головокружительных трюков художника пребывали в трепете. А он всё взбирался в неприступные места, словно вернулся в молодость. Туда, где опасность и жизнь были неразделимы, — в горную страну Афганистан.

В этом ущелье Роман впервые ощутил удивительный портал, нахождение человеческой души на грани двух миров. Временами он проваливался по ту сторону, иногда оставался в реальном мире. Но именно благодаря этому — рисовал всё светлое время суток, иногда и ночью у костра добавлял в рисунки никем не виденные нити, осязаемые только в реальности. В работах появились духи гор и исполнители их воли — камы (шаманы). Полуфантастические сюжеты с людьми скал, которые незримо присутствуют в каждом камне, пещере, ущелье. Их одухотворённые фигуры. Не лица, а именно фигуры. Где каждый жест говорит о накопленном веками жизненном опыте и готовности передать его людям, живущим ныне. Когда его поймут? Когда его рисунки увидят?! А впрочем, его душа и его мир, самое важное — что ощущает он!

Своим житеём товарища не утруждал. Тот предлагал остаться в его доме, но Роман напросился на турбазу, принадлежащую Аржану. Здесь в небольшой каморке проживал вместе с подсобным рабочим. Когда находился в творческом поиске и скучно казалось в душе, занимался уборкой территории. Всё ж таки труд и занятие

для размышления. С удовольствием колот дрова для бани, устраиваемой для туристов. В каждом спиле искал свой характер, видел, в каких условиях росло дерево. В срезах находил лики старцев, по сей день живущих в природе, рядом с нами. Только мы их не видим. А Роман искал таких встреч. И всё не находил, по его уразумению.

Завтра ждёт путь домой. Он давно собрал вещи. Да и что собирать? Главное — папки с рисунками, а они всегда с ним. Вновь год рутинной жизни с нелюбимыми женщинами. Он думал уйти, да только воспитан не так. Дал когда-то обещание — выполняй. Появился бы ребёнок — прирос бы через него к семье. Роман собрал рисунки, тщательно уложил, чтобы не разметал листья ветер. Начал спуск.

Темнело, когда он подходил к турбазе. В каморке уже виднелся огонёк. Навстречу вышел человек. Знакомое показалось в облике. И точно — Михаил Михайлович. Он какими путями здесь? Обнялись, и учитель, как обычно, скороговоркой заговорил, боясь, что его перебьют и остановят:

— Роман, ты только не волнуйся. Ты помнишь, что мы с Аржаном договорились и отправили картины на международный конкурс? Так вот. Приехал искусствовед из Голландии, по твоим рисункам. Они решили приобрести большую коллекцию зарисовок по Афганистану и Алтаю. Работы понравились жюри конкурса, и представитель картинной галереи здесь...

На огромном камне, нависшем над рекой, появилась фигура старца. Он стоял с поднятой головой, словно рассматривал нечто неведомое среди народившихся звёзд и дальше — в бесконечной вечности Млечного Пути.

Удивительная история пастуха

Конь расстился на скорости по траве, сливаясь с мелькающими прогалинами красного грунта и желтовато-коричневой глины. Пена клочьями срывалась с крупа, с шеи животного и, совершив полёт, падала на сухую от недостатка влаги подстилку высоких косогулов. Не один десяток минут, не один километр пути остались в бешеной гонке, затеянной хозяином по неизвестной животному причине. Встречающиеся водные потоки конь преодолевал махом, успевая украдкой глотнуть взметнувшийся фонтан влаги. Это спасало от жары, рождённой движением тела и работой мышц на износ. Он устал выбрасывать передние ноги далеко перед мордой. В прыжке складывался, приставляя задние, чтобы затем сильнее оттолкнуться от земли и выбросить, как из пращи, тело в направлении движения.

Ветер, спускающийся в долину с белых шапок и движимый холодом тающих снегов, мало выручал при такой огромной нагрузке. Конь почувствовал усталость, захрипел на полном скаку, давая седоку

понять, что необходимо сменить режим движения. Но тот продолжал всаживать стремена в бока и охаживать плетью круп умявшейся скотины. Перед лицом неспешно приближалась очередная кромка горы, спускаясь и открывая перспективу дальних вершин, манящих и зовущих к себе, в лучезарную глубину неба. Даже небольшие облачка, на горизонте порождая и своим видом отару овец, манили за собой всё дальше.

Только седок, давно принимающий это как данность природы, не видел этой привычной для чабана красоты. Живность горной степи благо-разумно разбегалась от топота копыт и с большим запасом по времени пряталась в норы, за камни, в редкие кусты. Казалось, остановка наступит только тогда, когда конь не сможет делать движение. Но животное понимало: хозяин стремится бег туда, где постоянно проводил трудные минуты своей жизни, — к группам вкопанных в землю камней, оставленных в таком состоянии давними предками горного сеока-всадника.

Эти камни манили загадочностью, непредсказуемостью поведения в этой обширной, заполненной спусками и подъёмами степи. Здесь не видно ковылей, травы в пояс не вырастают. Едва продираясь из земли, растения попадают в жёсткие условия обжигающего холода или жары. Тем не менее поднимаются и закрепляются. Богаты, питательны и насыщены солнцем, которого среди гор очень много. Табуны ходили здесь с давних времён, как появился человек. А старики передавали из уст в уста: задолго до поселения людей. И запахами мелкие стебельки сводили с ума, напивывали и нагуливали жир огромным отарам овец и множеству лошадей. Даже зима щадит животных в этих землях и не засыпает сутробами подножные корма. Самое сухое место в России — Чуйская степь и отроги гор, расположенные вокруг её.

Дурманящие запахи горькой полыни поднялись вверх, потревоженные ногами коня, и даже на большой скорости догоняли человека и кружили голову пряностью. За этим пяточком запашистого растения следует гребень горной гряды и далее — пологий спуск в долину, хранящую тайны бытия. Здесь не ходят лишние люди, нет туристических троп, и только местные пастухи с отарами бороздят просторы от горизонта до горизонта. На противоположном склоне останцы прорвались и выступают каменистыми боками. Смотрят петроглифами на долину внизу и напоминают пришедшим к их подножью о далёком прошлом. О сакральных временах напоминают и камни, усыпавшие всё округ. Они вкопаны в землю на месте захоронений павших воинов. Их очень много, не одно столетие сюда привозили павших в боях и провожали в последний путь. Многие уже вросли в почву и почти не видны. Другие едва просматриваются. Третьи, принадлежащие

знатым воинам, поднимаются высоко, местами выше человеческого роста.

На долину с высоты смотрит голова грифа, нанесённая мастером в далёкие заповедные времена. Сами мегалитические камни расположены в определённом порядке, понятном разве что духам гор. Местами глазницами раскопов смотрят в небо бывшие курганы. И только постоянный спутник — тишина — находит себе место для умиротворения. Люди не говорят в долине громко, лишь обмениваются знаками и движением рук. В этих местах от присутствия гор особо чувствуется расстояние, по-иному течёт время и вечность прикасается к телу человека, пришедшего в долину предков.

Всадник бросил повод коня и соскочил на землю на полном скаку. Пробежал несколько метров, еле успевая перебирать ногами, чтобы не споткнуться, и только потом упал на землю, уткнувшись в траву лицом. Плечи вздрагивали от сдерживаемых рыданий, сгоряча ударил несколько раз кулаками в грунт и зачих под солнцем и степным воздухом.

Час пролетел незаметно для Адучи (даже имя его звучало в переводе — «табунщик»), пока он, наконец, не оторвался от тёплой, нагретой солнцем земли и не сел. Плечи опущены вниз, склонённая голова, согнутая в позночнике спина — такой удручённой формы фигура его не приобретала в этой жизни. Невыносимо тяжёлый груз давил на плечи, в оставшейся жизни вряд ли кому удастся снять его с души. Казалось, произошло то, что неминуемо приближалось день за днём. Он всячески противился этому, хотя по большому счёту прекрасно отдавал себе отчёт: не пара Айбола, красивая, как луна, ему, простому скотоводу.

Её и просватали с раннего детства за одно-классника, сына агронома колхоза. Зажиточная, крепкая семья, на хорошем счету в партийных органах. Случилось так, что с приходом новых экономических отношений не сломалась — наоборот, окрепла. В сеоке своём твёрдо стояла на ногах: дом, машина, большое стадо и хороший табун. Старые связи позволяли решать возникающие проблемы. Потому и крепили год от года, нанимали работников пасти скот. Одним из первых — отец Адучи, а вскоре и сам юноша водили по родовым землям несметные поголовья бывшего агронома на выпасе. Работали исправно, в счёт оплаты получали овец, порой лошадей. Вскоре свой обособленный табун имели и отару овец: впрочем, кто их считает в общей массе?

Всё селение наблюдало за ситуацией: парень любит девушку, боготворит её. Она отвечает взаимностью. Но глупое сватовство в детские годы настораживало: а ну как вспомнится данное родителями слово? Думалось: времена другие, кто же по старым обычаям строить современную жизнь будет? Это и обнадёживало Адучи, не верил, что его Айбола пойдёт замуж за кого-то другого.

Детские годы, юность проходили на глазах у селян. Все и мыслить не могли иного: коль увидишь мальчишку — девочка где-то рядом. В зрелом возрасте Адучи крепче вставал на ноги, достраивали новый дом с отцом, думалось, приведёт в него вскорости любимую девушку.

Он проходил по земле уже четверть века. Со всем немного по ощущению времени. Основу знал и умел работать, казалось, опыта набрался и научился жизни. Но разве это возраст? Вот только чувствовалось, будто тысячи вёрст отмотал по степи. Устал, пора семейную жизнь налаживать.

В этом году с ранней весны увели табуны и отары на дальние пастбища. Зима оказалась непредсказуемая, с крепкими морозами. Не отогрела землю прохладная весна, потому и ушли далеко. Напарник Адучи заболел, и уже больше месяца приходилось управляться одному. Работа с животными в отдалённых местах приучала к неспешности. День начинался и заканчивался как вчерашний. Все движения и задачи доводились до автоматизма, и задержек не возникало. Но какие же преимущества давало такое существование? Возможность наблюдать и мыслить о том, как течёт время в природе. Законы развития мира приходили в действии на глазах, звали к осмыслению без излишней торопливости и суеты. В таких просторах утекающих за горизонт гор терялось собственное «я». А ведь отец учил главному — уметь принадлежать себе.

Он и принадлежал себе, поступки строились во взаимодействии с природой. Лишних людей не было, они не докучали ему своим присутствием. Только хорошие помощники — два крепких алабая — помогали в работе. Одно тревожило: давно не видел любимой, а сердце подсказывало тревогу, зароняло сомнение в душу. Три дня назад вернулся помощник и привёз нехорошую весть: Айбола замуж выходит. Говорить не хотел, но проболтался ненароком. Оседлав коня, тронулся в дорогу молодой человек. Трёхдневный путь одолел в два дня и на подъезде к селению понял: опоздал. Звуки свадьбы гремели во всех дворах родственников жениха и невесты, не смогла любимая в одиночестве противостоять традициям сеока.

Проехал на коне мимо, сдержался от резких слов. Не испортил праздника для людей. Они чем виноваты? Дома переночевал, дал отдохнуть коню и ранним утром, ещё роса не успела упасть на траву, выехал в обратный путь. В открытой степи дал волю своим чувствам. В чём их находит потомок кочевников? В движении с бешеными ритмом и скоростью. Он слился с конём, не обращая внимания на окружающую местность. Не до красоты в такой ситуации. И он понукал жеребца, гнал вперёд, уходя от посёлка, где ему плохо, в любимую степь. Не умом, а нутром понял и почувствовал, как тяжело четвероногому другу.

Под рукой — влагой разгорячённая шея коня. Что он творит?! Словесное животное обижает. Разве можно так поступать? Самый большой грех — обидеть слабого, это легче всего сделать.

Конь приостыл, насытился травой и легонько толкнул головой хозяина в плечо, словно требовал извинения за гонку по степи. Фыркнул в самое ухо. Адучи рукавом вытер мокрое от слёз лицо. Он и не заметил, что проплакал весь час, пока лежал, уткнувшись головой в землю. Сел, обхватив руками ноги ниже колен. Как теперь жить? Любимая ушла к другому, всё селение шептаться за спиной станет. Не сумел оберечь. Какой он мужчина? И с этой мыслью в тяжёлой от дум голове приподнял подбородок, глазами окинул долину.

Она словно сочувствовала ему: плакала травами и камнями. Крупные капли влаги от утренней росы согревались, укрупнялись и под силой тяжести падали на парящую землю, скатывались ручейками по бороздкам на поверхности скальника. От реки из низины поднимался белый пояс тумана, неся очищение и чистоту. На пригорках совсем потеплело, и травы родили запахи, струящиеся с воздухом вверх. Не боясь намочить меховую шубу, из нор повыскакивали пищухи и принялись строить свой день короткого лета. С неба послышался гортанный клёкот орла, ещё не рискнувшего свалиться в пике за добычей. Невесомо дрожит воздух вблизи земли, искривляет картину, и легко промахнуться. Подождёт, пока совсем не согреется земля. Куда спешить? Всё идёт своим чередом.

В душе, однако, пусто и неустроенно. Как ни гонишь от себя мысль об Айболе, она тревожит и берedit нутро. Адучи поднялся и осмотрелся, привычная картина сакральной долины принесла успокоение. Видно, удел его таков — страдать за несбывшиеся надежды. По поверьям, шулмусы, злые подземные духи Эрлика, не любят того, кто в жизни обречён на страдания, и потому по окончании пути отправляют на небо, в царство Ульгения.

Он в горячке и не заметил, что остановился в столь значимом для его сеока месте. Как он здесь? — первый вопрос. Нужно разобраться в себе, восстановить душевное равновесие. Жизнь не изменить, надо уметь находить нужную нишу и в ней обустроить свой мир. Да, без этого не жить! И он привычной упругой походкой направился к трём высоким оленним камням, расположенным рядом. Это место для него имело свой смысл и звучание. Именно звучание: средней камень пел. Прикасаясь к нему руками, человек слышал гул наподобие звука трансформаторной будки. Пение появлялось всплесками, то угасая до полной немоты, то поднимаясь до высоких нот так, что мелкими иголочками кололо пальцы и ладони. Энергия земли истекала через менгир, пульсируя и заряжая находящиеся вокруг предметы, а также и живые организмы.

Не всякий камень с его энергией подходит человеку. Одному помогает, другого и покалечить может. Адучи всякий раз заряжался от него. Подошёл и сейчас. Обнял, прижался щекой, и каменная плоть, почувствовав, что человеку плохо, подала о себе знак. Громко. Завибрировали два других менгира, и невидимые, но осязаемые волны поплыли, пронзая плоть. Почувствовав эту природную мощь, конь предусмотрительно отошёл на безопасное расстояние, наблюдая, как хозяин сел и навалился спиной на поверхность.

Вибрация накачивала и спуска секунды затихала, словно успокаивала. А может, усыпляла бдительность. Вскоре почувствовалось облегчение, организм коснулся спокойствия, потянуло в сон. Остатками уже помутнённого сознания Адучи успел рассмотреть, что местность перед ним меняется. От низовий потянуло синие потоки воздуха, закручивая спиралью и толкая вверх плотную волну. Зелень травы срасталась намертво с голубыми прожилками воронки и превращала окружающую местность в фиолетовые полосы, словно очулась от спячки зимняя позёмка и протягивала по низинам свои косматые пряди. Из далёкого начала скрученной в точку спирали на Адучи надвигались предметы, растения, облака, которые рассасывались к краям и таяли, растворяясь в воздухе.

Издали нарастало облако пыли, затмевающее горизонт. Оно родилось от табуна коней, стремительно приближающегося и увеличивающегося в размере. Впереди с небольшим отрывом скакала девушка в традиционном наряде тюрков. Такую одежду юноша видел только на картинке в музее. Следом неслась группа мужчин. Скачущий впереди держал правой рукой волосяной аркан, в готовности набросить его на девушку. Той явно не по нраву такая погоня, и она гнала

своего скакуна во весь опор. Всадница оказалась совсем рядом, видны черты лица. О духи! Это же Айбола! Откуда она здесь и в таком наряде? И что означает эта погоня? Юноша вскочил на ноги и призывно замахал руками, сменилось направление движения, и конники неслись прямо к камням. Увидев непонятого человека, впереди скачущие проявили агрессию, явно угрожая чужестранцу: один выхватил лук, заправил стрелу и нацелил оружие в сторону Адучи. Секунда, и стрела запела, полетела в человека. Вот так оборот. Поющие стрелы тюрков—откуда? В тот самый момент девушка повернула коня на юношу, ударила крупом животного, сбив с ног. Стрела пронзила плечо. Если бы не падение, прошла бы грудь на вылет. Он схватился за древко рукой, потянул стрелу из раны. В этот момент кони пролетели рядом, унося седоков в погоне за беглянкой.

Рассыпались нити воронки, голубыми и синими искрами осыпались на землю. Полыхнуло с неба солнце, брызнула зелёным и жёлтым трава, и протянуло ветерком, подняв пыль с косогора. Юношу словно что толкнуло в бок, и он открыл глаза. Тишина. Только слышно пищух: их попискивание и шелест шагов. Потянулся рукой к плечу—потереть саднящее болью место. Мешал предмет, зажатый в кулаке. Адучи раскрыл ладонь, на ней лежал бронзовый наконечник старинной стрелы. Откуда?!

Тут же в голове всыхнули отрывками картинки ближайших событий. Осмотрелся—никого рядом нет. Только широкая тёмная полоса следов на траве со сбитой наземь росой от реки и в гору, за кромку перевала, указывала на путь проскакавшей конницы.

Адучи положил наконечник стрелы в сумку, подозвал коня, поправил сбрую. Запрыгнул в седло и тронулся на дальнейшее пастбище.